

Предвыборные плакаты в Париже. 1928 год.
 Фото с сайта http://ru.wikipedia.org/wiki/BB:Bundesarchiv_Bild_102-05349,_Paris,_Wahlplakate.jpg.

УДК 321

Каневский П.С.

Несколько уроков из истории развития французского республиканизма

Каневский Павел Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии политических процессов Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, координатор международных академических связей Социологического факультета МГУ

E-mail: baggio-18@yandex.ru

История развития республиканских идей во Франции является классической темой для сравнительно-исторического анализа и особенно актуальна по отношению к современной России, которая все еще находится на болезненном пути становления демократических институтов. История политического развития, кризисов, социально-политических конфликтов, смен конституционных режимов Франции с конца XIX в. по наши дни дает нам множество примеров строительства демократии, учитывая особенности социальной и идеологической дифференциации нации. Это позволяет выстроить логику борьбы за власть и ее роли в эволюции политических систем.

Ключевые слова: политическая система, республиканизм, идеология, социальная структура общества, политические элиты, политический конфликт, политические реформы, модернизация, политическая конкуренция, голлизм.

Россия находится на пороге третьего десятилетия демократического транзита. За это время политическая система и общество претерпели многочисленные изменения, однако трансформационные процессы не останавливаются, напротив, они идут слишком разнонаправленно, чтобы можно было делать однозначные выводы о прошлом и давать прогнозы на будущее. В конечном счете, все зависит от того, какой из векторов развития одержит верх, причем не в кругах политической элиты, речь идет об объединяющем и консолидирующем общественно-политическом начале. Пока же можно с уверенностью сказать лишь то, что в обществе продолжают развиваться дезинтеграционные процессы, кото-

рые не способствуют укреплению российского государства, а, напротив, негативно сказываются как на внешнем суверенитете страны, так и на внутреннем властном механизме. Потому различные политические силы, ученые, аналитические центры, журналисты периодически задаются вопросами: на что из существующего порядка мы можем опереться и что нового в него нужно привнести, чтобы стабилизировать политическую систему. Россия является республикой, однако институциональный порядок порой несколько противоречит классическому республиканизму. Прежде всего это выражено в разбалансированности ветвей власти. Федеральное собрание РФ де-факто не обладает эффективными механизмами сдерживания президентской и правительственной власти, что ведет к системному дисбалансу. С методологической точки зрения это можно проследить исходя из «индекса формы правления», рассчитанного О. Зазнаевым. Данный индекс показывает, что среди всех республик со смешанной формой правления, в России индекс влияния президента оказывается одним из наиболее высоких, а парламента – одним из самых низких¹. Тем не менее, недостаточно говорить только об институциональной стороне, потому что система, какой бы совершенной она ни была на бумаге, всегда имеет контекстуальный фон – социально-экономические, культурные, идеологические условия. И нужно ставить вопрос не о том, какие издавать законы, а о том, каким образом создавать эффективный ценностно-идеологический фон политики, который в настоящее время крайне размыт. В деидеологизированном и фрагментированном обществе любая модель окажется недееспособной.

Однозначного ответа на заданный вопрос не существует, но Россия не является уникальным историческим примером, когда государство переживает последствия посткризисного развития политической системы. В качестве яркого примера предстает Франция, являющая собой модель перманентного реформирования, революций, мятежей, правительственных кризисов, резких смен идеологической направленности. В России часто любят проводить параллели с французской системой, социальным устройством, историей. На самом деле, при ближайшем рассмотрении, подобных параллелей оказывается не так много, однако, что касается институционального устройства и идеологической борьбы (и многочисленных исторических ошибок, связанных с ними), Франция представляет собой интересный и во многом показательный пример для современной России. Попытаемся в общих чертах взглянуть на ключевые этапы становления французского республиканизма, начиная с Третьей республики именно с целью извлечь определенные уроки из политической борьбы и сопровождающих ее конфликтов, которые могли бы быть учтены и современными российскими реформаторами, заинтересованными в укреплении государственности и стабилизации политической системы.

Начиная с Великой революции, Франция всегда была и остается крайне поляризованным обществом, причем не только в смысле социальной структуры, но и в смысле идеологического деления. Сильно упрощая и забегая вперед, можно сказать, что в политическом плане во Франции на протяжении последних двух столетий происходит борьба между левыми и правыми, которая и является маховиком, раскручивающим все социально-политические процессы. Относительно Франции и ее истории, деление на левых и правых – это не просто политическая дифференциация. Корни раздела следует искать в структуре общества, в особенностях социально-экономической и политической стратификации². Мы целенаправленно пользуемся данным делением, которое в данном случае не является упрощением, но демонстрирует полярную структуру общества и политической системы. И левые, и правые представляют собой различные исторически сложившиеся социально-политические и экономические общности, обладающие своими институтами, партиями, группами интересов, СМИ, которые в политическом смысле образуют естественный властный круговорот. История показывает, что, несмотря на множественные правительственные и парламентские кризисы, подобное деление скорее балансирует, чем раздробляет общество. Самое сложное – это взглянуть на данный процесс в глобальной ретроспективе, рассмотрев его в единой логике эволюционного развития политической системы и общества, не забывая при этом про конкретные факты, события и процессы – как позитивные, так и негативные. Один из самых сложных вопросов, который всегда стоял перед французскими политиками и обществом в целом – каким образом интегрировать эти различные и противоборствующие силы в единый властный механизм, в единую политическую систему, чтобы последняя сохраняла стабильность и имела потенциал роста? Причем речь идет не только о различных политических идеологиях, но о противостоянии между различными классами и группами, различными ценностно-идеологическими течениями, которые, хотя и претерпели значительные изменения в эпоху постиндустриального общества, продолжают оставаться для Франции той альфой и омегой, которые заложили основы политической борьбы и возникшей на этом фоне политической системы.

Уже Третья республика, образованная в 1870 г. и считающаяся первой работающей французской моделью демократической парламентской системы, получила в наследство от предыдущих режимов общество с сильным конфликтным потенциалом. К тому моменту Франция пережила нескольких смен режимов, каждый из которых пользовался достаточной поддержкой со стороны населения, чтобы можно было считать его легитимным. С точки зрения социальной структуры, общество Третьей республики было строго иерархическим: крестьянство, хотя и постепенно сокращаясь, как в любом индустриальном государстве, все же составляло подавляющее большинство населения (49,3% в 1876, 45,3% в 1896, 37% в 1939) и было главной по численности социальной общностью страны, в то время как рабочий класс к 1900 г. составлял лишь 12%³. Вершина пирамиды была представлена нотаблями – высшей буржуазией и старой аристократией, со своей коллективной идентичностью и собственным образом жизни. Будучи относительно малочисленным, высший класс обладал огромным властным и экономическим потенциалом. Именно нотабли на протяжении XIX в. были основными сторонниками слабой конституционной монархии, основанной на ограниченном избирательном праве, что давало возможность высшему классу полностью контролировать представительные органы власти. Однако различные гибриды бонапартизма, которые

¹ См.: Зазнаев О. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2. С. 146–165.

² Эту идею весьма четко обозначают в своей книге Э. Нэпп и У. Райт. См.: Knapp A., Wright W. Government and Politics of France. Routledge, 2006. P.10.

³ См.: Hanley D. Party, Society and Government: Republican Democracy in France. Oxford, 2002. P. 33–34.

Франция пережила в XIX в., показали, что даже малочисленная и авторитарная по своей сути элита может иметь достаточно народной поддержки, если она способна модернизировать экономику и промышленность и отвечать потребностям широких слоев, с чем французская элита с переменным успехом справлялась. Что же касается республиканских доктрин, то они развивались и распространялись в обществе весьма неравномерно. Сложно однозначно сказать, какая группа или слой были основными носителями республиканизма. Д. Хэнли считает, что это был средний класс: мелкая буржуазия, торговцы, нарождающиеся белые воротнички, а также буржуазная интеллигенция – главный двигатель новых демократических идей¹. Крестьяне и рабочий класс имели противоречивые политические взгляды, многие из них продолжали поддерживать консервативный авторитарный стиль правления. Это ярко проявлялось и на протяжении XX в., особенно в 1930-е гг., когда именно крестьянство породило движение зеленорубашечников, ставших одной из важнейших социальных опор для крайне правых и режима Виши².

Другим важнейшим обстоятельством, на фоне которого происходило становление Третьей республики, была культурная дифференциация, особо ярко выразившаяся в религиозном вопросе. Со времен революции французское общество оказалось разделено на сторонников католицизма и секуляристов, настаивающих на отделении церкви от государства. Причем такой водораздел существовал в каждой социальной группе: и среди крестьянства, и среди рабочих, и среди буржуазии. Более четко данное противостояние можно было проследить скорее по региональному принципу. По сей день во Франции существуют регионы, в которых традиционно сильна католическая культура и христианские ценности, такие как Бретань, Эльзас-Лотарингия, Савойя, Вандея и пр. В то же время целый ряд регионов – Иль-де-Франс (Париж и окрестности), Центр, Аквитания и пр. – исторически тяготеют к секуляризму. Выступив сугубо оппозиционно по отношению к республиканско-секуляристским идеям, церковь всегда играла значительную роль среди консервативно настроенной части общества и политических деятелей, а позднее – в правой части идеологического спектра. Республиканцы же фактически заложили основы левой части спектра, который со временем также стал достаточно неоднородным, порождая более радикальные и более умеренные политические течения. Все это демонстрирует высокий конфликтный потенциал, заложенный в Третьей республике, который касался напряженности, во-первых, межклассовой, во-вторых, межэлитной (консервативные элиты против новых республиканцев), в-третьих, межкультурной. Есть основания считать, что именно данные конфликтные ситуации в конечном счете стали причиной множественных кризисов политической системы. С одной стороны, это была конкурентная политическая борьба, с другой стороны, крах Третьей республики во многом стал квинтэссенцией столкновения слишком полюсных и открыто конфликтующих идеологических течений.

Р. Дарендорф утверждал, что для появления конфликтов «должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные и политические условия... При известных условиях – прежде всего, если отсутствуют политические условия организации – сама организация становится непосредственным предметом конфликта, который вследствие этого обостряется»³. Иными словами, речь идет об отсутствующих политических институтах, либо нормах, точнее о том, что отсутствие таковых становится предметом конфликта. При том, что необходимость существования данных институтов и норм может быть вызвана реально существующими техническими и социальными условиями. Для Франции периода Третьей республики таковыми отсутствующими элементами были, во-первых, действенное трудовое законодательство (нормативная сторона), во-вторых, прочная организационная основа для наемных работников (институциональная сторона). Хотя профсоюзы во Франции были узаконены еще в 1884 г., они довольно быстро попали под контроль анархо-синдикалистов, что значительно замедлило процесс их институционализации, так как их деятельность обычно признавалась слишком радикальной и противоречащей действующему законодательству⁴. Именно данные вопросы легли в основу публичной повестки дня левых, к которым к началу XX в. относились социалисты, социалисты-республиканцы, радикалы и ряд независимых левых. Им противостояли правые, главную роль среди которых играли консерваторы (т.н. либеральные орлеанисты) и христианские демократы, которые уже не отрицали некоторых республиканских идей, но, тем не менее, призывали к сохранению традиционных ценностей, сохранению роли церкви и настороженно относились к либерализму британского толка, который, по их мнению, насаждался некоторыми республиканцами. Тем не менее, достаточно долго как левые, так и правые не вступали в открытый конфликт, так как те и другие сами были в поисках идеологической интеграции, в недрах данных течений существовало слишком много внутренних противоречий.

Противостояние начало набирать обороты после Первой мировой войны, в 1920-е гг., когда французская политическая элита начала окончательно раскалываться, консолидируясь вокруг двух основных групп: Национального блока (правоцентристская коалиция) под предводительством Раймона Пуанкаре и Жоржа Клемансо, опиравшегося на крупный бизнес, ведущих финансистов, снискавшего поддержку армии и церкви, а также Левый картель (левоцентристская коалиция), неформально возглавляемый Эдуаром Эррио, ориентированных на интересы преимущественно малого бизнеса и среднего класса. Хотя правые обладали значительными властными ресурсами, именно широкомасштабная народная поддержка левых определяла политический ландшафт Франции до 1940 г. Расколовшись в 1920 г. на коммунистов и социалистов, левые в 1936 г. смогли консолидироваться и создать сильную коалицию – Народный фронт – под руководством Леона Блюма. Народный фронт стал фактически доминантной политической силой в 1930-е гг., при нем произошло значительное усиление роли профсоюзного движения, сокращение рабочей недели. Но с экономической точки зрения правление левых было малоуспешным, по мнению многих исследователей, это была настоящей катастрофой, так как Народный фронт слишком увлекся популистскими инициативами, что в итоге привело к резкому увеличению налогов, снижению экспорта и, как следствие,

¹ Ibid. P. 34.

² См.: Paxton R. French Peasant Fascism: Henry Dorgère's Greenshirts and the Crises of French Agriculture, 1929–1939. Oxford, 1997.

³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 143.

⁴ См.: Connolly H. Renewal in the French Trade Union Movement: A Grassroots Perspective. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2010. P. 26.

Леон Блюм в 1936 г.

Огненные Кресты в Париже. 6 февраля 1934 г.

Э. Даладьё с членами правительства. Начало 1930-х гг.

наметившийся было экономический рост быстро превратился в затяжной кризис¹. На этом фоне правые, настроенные гораздо более консервативно и националистически, опираясь на аристократию, высшую буржуазию и армию, старались любыми способами затормозить экспансию влияния левых в политической системе. Иногда это выливалось в открытые конфликты, каким, например, был кризис 6 февраля 1934 г. – неудачная попытка «правого путча», возглавляемая реакционно настроенными группами, такими как Аксьон Франсез и Огненные Кресты. В результате неудавшегося переворота правительство во главе с социалистом Эдуаром Даладьё было вынуждено уйти в отставку. Однако, несмотря на некоторые заметные успехи Народного Фронта в вопросах совершенствования трудового законодательства и начала процесса укрепления профсоюзного движения, конец 1930-х гг. знаменовал собой крах политики, проводимой левым правительством. Это еще более усилило социальное напряжение, сталкивая полярные полюса французского общества – высший класс и средний/нижний классы. Уже будучи в состоянии полного разлада, политическая система Третьей республики оказалась неспособна консолидироваться перед лицом внешнего врага, в результате чего победу одержали наиболее реакционно настроенные правые, вступившие в союз с оккупационными войсками Германии и создавшие режим Виши.

Крах Третьей республики был вызван целым рядом внутренних и международных факторов: неспособность найти компромисс между различными политическими и социальными силами и, как следствие, неспособность создать эффективную институциональную систему, которая отвечала бы интересам народного большинства. Более того, Франция на протяжении 1930-х гг. и военных лет находилась в состоянии острейших социальных конфликтов, которые несколько раз ставили страну на грань гражданской войны (как после кризиса 6 февраля 1934 г.). Раскол страны во время оккупации также был показателем, демонстрируя отсутствие внутреннего единения.

И хотя Франция относительно благополучно вышла из войны, внутренние конфликты не были улажены, так как поиск оптимального общественного договора был прерван. А потому Четвертая республика (1946–1958), пришедшая на смену Третьей, хотя и изменила характер политического участия и партийной системы, в целом повторила все ошибки довоенной Франции. Во-первых, Четвертая республика с самого начала не пользовалась популярностью, за принятие новой конституции в 1946 г. проголосовало лишь 36% зарегистрированного электората². Во-вторых, режим в еще большей степени, нежели его предшественник, оказался не в состоянии дать стране стабильное правительство – за 12 лет сменилось 22 правительства, лишь два премьер-министра смогли продержаться у власти больше одного года. Первая и главнейшая причина этого заключалась не только в слабости партийной системы, включавшей в себя 5 основных политических сил: социалисты, коммунисты, голлисты, христианские демократы и консерваторы, но и в отсутствии сильных лидеров (Шарль де Голль не играл значительной роли в Четвертой Республике). С одной стороны, данные партии не были в состоянии прийти к компромиссу друг с другом, с другой, у них не было внутренней сплоченности. Ситуация напоминает классический вариант транзитного государства (хотя послевоенную Францию можно отнести к этой категории лишь условно), когда политические партии, движения и группы интересов находятся в поисках консолидирующего начала. Очевидно, что Четвертая республика подобной консолидации достичь не смогла. Уже в 1948 г. журнал Life писал: «Франция находится на ложном пути. Французы уже сами готовы признать, что корень всех проблем, встающих перед страной, лежит не в экономической плоскости, а в парламентских неурядицах. Это, однако, не мешает стране оставаться богатой и иметь динамично развивающуюся промышленность»³. В самом деле, нестабильная политическая система не была в данном случае препятствием для развития экономической и промышленной инфраструктуры. Хотя Франция периодически переживала периоды инфляции и финансовой нестабильности, за 12 лет страна проделала значительный путь в процессе модернизации. Был осуществлен проект полного восстановления разрушенной во время войны транспортной системы, страна стала играть заметную роль на рынках стали, угля и атомной промышленности, наконец, Франция встала в авангарде строительства единого европейского рынка, сыграв ключевую роль при подписании Римского договора в 1957 г. Все это не мешало стране развивать и социальную систему: были заложены основы современного социального государства, урегулированы многие вопросы трудового законодательства, заметно улучшилось положение профсоюзов, которые отныне стали полноценными профессионализированными группами интересов, внедренных в процесс принятия решений. Это говорит о том, что даже государство, находящееся в нестабильных политических

¹ Larkin M. France Since The Popular Front: Government and People, 1936–1996. Oxford, 1997. P. 55–60.

² Knapp A., Wright W. Government and Politics of France. Routledge, 2006. P. 48–49.

³ Laguerre A. Why the Fourth Republic is Dying // Life. 27.09.1948. P. 30.

условиях, способно развиваться в социально-экономическом плане. Конечно, этому способствовал и приток иностранных инвестиций, но все же французы были заинтересованы в этом, а потому политики, бизнесмены, капитаны индустрии активно работали на улучшение финансового климата в стране.

Все ведущие политические силы (а в Четвертой республике таковыми следует признать социалистов / коммунистов с одной стороны и голлистов с другой) были заинтересованы в эффективном социальном и экономическом развитии и, за рядом исключений, могли приходиться по этим вопросам к согласию. Впрочем, были вопросы, которые ставили в тупик нестабильные и потенциально весьма конфликтные коалиционные правительства, лишь усугубляя фракционные расколы. Прежде всего, это касалось внешней политики, ставшей в итоге причиной окончательного

Алжир, 1958 г.

Митинг «черноногих» (алжирских французов) в поддержку де Голля. Алжир, 23 мая 1958 г. Фото с сайта <http://histgeo.college.free.fr>

Ш. де Голль — первый президент Пятой республики

кризиса, который Четвертая республика оказалась не в состоянии пережить. Речь идет об алжирском кризисе в мае 1958 г. Бунтующий Алжир многие во Франции рассматривали как угрозу национальной безопасности, и урегулирование данного кризиса постепенно стало первоочередной повесткой дня. И все-таки политические силы с самого начала волнений в 1954 г. не могли прийти к единому мнению как об Алжире, так и о статусе оставшихся колоний в целом. Когда в 1958 г. алжирцы начали активные боевые действия против колониалистов, это поразному отразилось на политических силах страны. В лагере французских социалистов, прежде всего Социалистической Партии Франции (СПФ), случился серьезный раскол, значительная часть пацифистски настроенных членов СПФ образовала альтернативную Объединенную Социалистическую Партию (ОСП). Тем не менее, в то время как данный кризис способствовал ослаблению позиции левых, он значительно укрепил позиции правых, которые консолидировались вокруг алжирского вопроса. Снискав поддержку армии и консервативно настроенных общественных групп, правые (прежде всего голлисты) способствовали возвращению в большую политику генерала де Голля. Хотя изначально многие его поддерживали как человека, способного решить алжирский вопрос, в конечном счете, де Голль сумел объединить вокруг себя значительную часть как левого, так и правого электората. Таким образом, в течение своего президентства, де Голль достиг того, чего до этого не удавалось ни одному политику — он снизил конфликтный потенциал партий и общества до того уровня, который был необходим стране, уставшей от нескончаемых политических дряг и радикализма. В обществе, особенно в более консервативном его сегменте, был запрос на сильного лидера, которого оно в итоге и получило.

Сам де Голль видел в Пятой Республике (с 1958 г. по настоящее время) ту модель, которая избавит Францию от нескончаемой партийной конкуренции и, как следствие, нестабильных правительств. Однако к тому моменту как социалисты, так и правые уже имели значительный опыт политической борьбы и не были готовы пожертвовать силой законодательной власти в угоду исполнительной. А потому партийная система играла во Франции времен де Голля куда большую роль, чем того желал сам президент.

С самого начала создания новой модели политической системы, де Голль пошел по пути укрепления вертикали власти, постепенно подкрепляя ее все новыми законами (хотя 16-я статья конституции и так наделяла его значительными полномочиями и возвышала президента над парламентом). Оплотом голлистской вертикали было правительство, которое имело возможность распоряжаться законодательными процедурами, что фактически также ставило данный институт над парламентом. Но это не означает, что партийная система перестала развиваться. Возможно, парламентарии и были лишены той свободы маневра, которую они имели в Четвертой республике, но они никогда не теряли общественной поддержки, а потому продолжали выполнять свою важнейшую функцию — представительства интересов граждан. В особенности это касается партий левого толка с их верой в социальную солидарность, равенство, социальные привилегии в качестве фундаментальных общественных законов, которые всегда были «востребованы» французскими избирателями.

Тем не менее, несмотря на дирижистские методы, в период правления де Голля был реализован грандиозный план реорганизации всей французской промышленности, системы финансов, видоизменилось управление экономикой на основе методов индикативного планирования. Эти меры сделали французские товары более конкурентоспособными и вывели экономику на новый виток развития. Крайне важное место в голлистской модернизации заняла реформа аграрного сектора. В короткие сроки вся сельскохозяйственная отрасль была реорганизована и интегрирована в национальную экономику. Эти меры позволили создать современные аграрные районы и, наконец, превра-

тить французских крестьян в активных полноправных граждан¹. Это было прекрасным примером создания гражданского сектора не только в городах, на основе малого бизнеса и профсоюзов (которые, к слову, играли важнейшую роль во Франции де Голля), но и в сельской местности, что всегда было проблемным вопросом для Франции².

В конечном счете, период правления де Голля стал хорошим испытанием для партийной системы, так как в этот период исчезли многочисленные слабые, недисциплинированные партии и возникла двухполюсная партийная система, в рамках которой соперничали консолидированные коалиции правоцентристов и левоцентристов. Это стало идеальной базой для дальнейшего развития и укрепления партийной системы, которая со временем стабилизировалась и вернула себе значительную часть влияния в Пятой республике. Несмотря на свою нелюбовь к партийной борьбе, де Голль, конечно же, не ставил перед собой задачи демонтажа партийной системы, он лишь стремился к балансу сил во все еще хрупкой политической системе. В конечном счете, это принесло свои плоды, и Франция вышла на новый уровень политического и экономического развития, являясь в то же время сильным социальным и правовым государством.

Правомерно ли сейчас сравнивать Россию с голлистской Францией? И да, и нет. Формально конструкция политических институтов действительно напоминает Францию образца ранней Пятой республики, но с другой стороны, в России пока слишком слабо развито гражданское общество, для него нет опоры ни среди населения, ни в политической сфере. В России слишком велики масштабы экономического коллапса и чрезмерной коррупции, которая разъедает все общество. Сейчас очень многое (даже слишком многое) упирается в волю и ответственность элит. Эта воля должна состоять в том, чтобы пойти по пути синтеза традиционных российских ценностей с принципами новой республиканской государственности. К сожалению, этот синтез не может быть искусственно навязан, точно также как нельзя создать гражданское общество административными методами. Этот синтез возможен только в процессе целенаправленного искоренения отживших себя советских традиций, имеющих мало общего с идеями республиканизма. Как говорил Л. Зидентоп, политические лидеры должны обладать по меньшей мере тремя достоинствами: чуткостью к существующим потребностям и предпочтениям, силой ума, позволяющей выявить нравственно и социально приемлемые пути перемен, и способностью достигать согласия через формирование общественного мнения³. Пример де Голля показывает, что именно лидер должен брать на себя ответственность за поиск выхода из того общественного и политического тупика, в котором оказывается их государство после сильных кризисов. Это был болезненный процесс, встречавший отпор многих общественных групп и политических партий, специалистов и интеллектуалов, но, в конечном счете, он был направлен на достижение определенного общественного консенсуса между властью, обществом и национальной культурой.

Но помимо упомянутых позитивных тенденций правления де Голля, не нужно забывать и историю его упадка, что является еще одним уроком, предоставленным нам Пятой республикой. История показала, что даже учитывая его популярность среди французских граждан, де Голль не был застрахован от общественного недовольства. Национальный лидер и его ближайшее окружение были слишком убеждены, что именно президент задает векторы общественного развития. Действительно, создание института президентства значительно усилило общественную консолидацию, однако лишь на время. На самом деле, в модели было заложено несколько «подводных камней»: во-первых, конкуренция между ветвями власти стала дополняться и конкуренцией внутри центральных органов власти, прежде всего между президентом и премьер-министром, что неизбежно ведет к межличностным и межгрупповым конфликтам на уровне исполнительной ветви. Эту проблему отчетливо демонстрирует и современная Россия, в которой президент и премьер не могут отчетливо разделить полномочия, провоцируя внутриэлитные интриги, скорее свойственные для законодательной ветви власти.

Мы не ставим под сомнение эффективность президентской и полупрезидентской республик, особенно в условиях трансформационных процессов. Впрочем, следует задуматься, насколько действенны и отлажены в данных условиях механизмы реального народного представительства. И это второй «подводный камень», который был заложен в системе де Голля. Хотя президент и позиционировал себя в качестве прогрессиста, его умеренно авторитарный стиль правления говорил о несомненной консервативной направленности. А потому французское общество было полно противоречий: со свободными выборами и свободой печати соседствовала государственная монополия в области телерадиовещания, к тому же правительства де Голля настороженно относились к левым идеям внутри страны (хотя во внешней политике охотно шли на контакт с СССР и коммунистическим Китаем, критиковали войну во Вьетнаме, за что де Голль снискал славу симпатизирующего левым, что на деле несколько противоречило истинному положению вещей). Тем не менее, общественная дифференциация, о которой говорилось выше, при де Голле не исчезла. Франция всегда, при любом режиме остро ощущает социальное неравенство – это красной линией проходит через все многочисленные режимы, что сменились в этой стране. И, конечно, «экономическое чудо» 1950–1960-х гг. привело в движение радикально и антикапиталистически настроенные слои. К тому же в обществе постепенно зрел протест против чрезмерного традиционализма общества, неравных гендерных отношений, против усилившейся при де Голле роли полиции и спецслужб. Общественная дифференциация лишь видоизменилась, социальные противоречия вышли на новый уровень, начали распространяться среди молодых левых интеллектуалов, но до определенного времени де Голль предпочитал не обращать на это внимания, что, как показали дальнейшие события, было ошибкой. Размах событий мая 1968 г. продемонстрировал все слабости новой республики (по крайней мере, в ее голлистском варианте). Дирижистская экономическая модель оказалась не столь прочной, как задумывалось с самого начала, французская экономическая модель начала постепенно терять свою гибкость, что выразилось в резком увеличении инфляции и затруднительном положении рабочих на предприятиях. Итогом стали массовые

¹ См.: Гугоров В.А. Голлизм и современная Россия: утрата или обретение традиции? // ПОЛИТЭКС. 2005. № 1.

² Достаточно одного взгляда на российскую сельскохозяйственную отрасль и крестьянство, чтобы понять, что аграрный сектор является неиспользованным потенциалом, который лишь усугубляет положение дел в экономике и тормозит развитие гражданского общества

³ См.: Зидентоп Л. Демократия в Европе. М., 2001. С. 152.

Баррикады в Латинском квартале Парижа

Забастовка рабочих «Ситроена»

Уличные бои в Париже

Фото с сайта <http://libcom.org/gallery/france-1968-photo-gallery>

забастовки рабочих и студентов по всей стране. Правительство де Голля увидело в этом коммунистический заговор и попыталось в срочном порядке изменить конституцию и модель политического представительства, упразднив Сенат (верхнюю палату парламента), заменив его консультативным органом. Однако народ не поддержал эту инициативу на референдуме, в результате чего де Голль окончательно лишился общественной поддержки и был вынужден уйти в отставку. Это и привело к новому витку развития Пятой республики.

Многие, как, например, И. Валлерстайн, считают, что события 1968 г., «поколебав легитимность старых левых, трансформировали сомнения, которые испытывала малая горстка людей, в куда более распространенный ревизионизм, в самую настоящую «культурную революцию»¹. Это означало закат старых левых (СПФ и ОСП), которые так и не смогли преодолеть свои внутренние противоречия и фактически выполняли роль наблюдателей во время акций протеста, что было равносильно смертному приговору – левый электорат окончательно от них отвернулся. В результате на арену вышла новая Социалистическая Партия (СП) во главе с Франсуа Миттераном, на базе которой в 1973 г. была создана консолидированная коалиция Левый Союз. Хотя первоначальными целями социалистов были национализация банков и региональная децентрализация, правительство показало, что может быть достаточно гибким и совмещать различные социальные и экономические модели. Например, с начала 1980-х гг. СП начала склоняться к немецкой политике высоких ставок и низкой инфляции, что требовало разрыва с некоторыми ортодоксальными социалистическими идеями². В этом смысле, французские левые продемонстрировали куда большую политическую маневренность, чем правительства де Голля.

Одной из главных причин краха режима де Голля было то, что генерал, хотя и стремился к объединению нации и несомненно достиг в этом больших успехов, но он не смог уловить всех нюансов общественных настроений. Если говорить об этом с институциональной точки зрения, то де Голль сам пал жертвой собственной системы, так как слишком стремился к укреплению исполнительной власти в угоду законодательной (попытка устранения Сената в острый для нации момент ярко это демонстрирует) и в то же время слишком рисковал, долго сдерживая левые настроения в обществе. Это говорит о том, что Франция постоянно нуждается в идеологической поляризации, которая является постоянным и естественным двигателем ее развития. Вся история республиканского правления с 1870 г. и по наши дни показывает, что французская политика всегда строится на противостоянии различных идеологических течений. Тем не менее, каждый раз, проходя через эти столкновения, в обществе устанавливался статус-кво, который всегда давал стране возможности для внутреннего роста и укрепления позиций на международной арене. Это не мешает Франции всегда оставаться страной достаточно консервативной, которая неохотно смотрит в сторону резких перемен, вне зависимости от партии или президента, находящихся в данный момент у власти. Периодические забастовки, которые происходят в стране, являются лишним напоминанием властям о том, что проводимая политика должна быть осторожной и умеренной, но в то же время она должна учитывать интересы различных общественных групп, которые всегда сосуществуют друг с другом, также как сосуществуют и различные идеологические течения. Как отмечает The Economist, та значительная «часть населения, которая занята в сфере услуг традиционно будет ориентироваться на профсоюзное движение (а, следовательно, и на социалистов), строящих свою политику на защите социальных гарантий и прав работников». С другой стороны, «существует динамичный частный сектор, включенный в глобальный рынок и являющийся двигателем развития экономики», который опирается на правых, отстаивающих либеральные ценности³. И это лишь социально-экономическая сфера, существуют также сферы культуры, безопасности, правового регулирования и пр., каждая из которых становится предметом всестороннего обсуждения, борьбы и компромиссов. В конечном счете, это и есть общегосударственная система сдержек и противовесов, когда естественные потребности различных общественных групп приводят в движение властный механизм.

Любому государству, которое претендует на то, чтобы называться демократическим, необходима умеренная идеологическая поляризация. Россия в этом смысле несомненно тяготеет к европейско-континентальному типу устройства, который в большинстве случаев строится на внутреннем конфликтном потенциале, в отличие, скажем, от американской системы, которая имеет иную предысторию и иной социально-культурный и идеологический фон.

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 200.

² См.: Busky D. Democratic Socialism: A Global Survey. Greenwood, 2000. P. 31.

³ Reforming Gloomy France // The Economist. 20.04.2011.

Это большое заблуждение считать конфликтный потенциал общества опасным для государственного развития. Конфликты необходимы для систем подобного типа, но только при одном условии – эти конфликты должны быть управляемыми. А для того, чтобы стать управляемыми, необходимо соблюдение ряда условий. Это те самые технические, социальные и политические (организационные) условия, о которых говорил Р. Дарендорф. Причем для России в настоящий момент наиболее остро стоят именно организационные вопросы. С социальной точки зрения, российское общество поляризовано, на фоне кризиса идентичности происходит идеологическое размывание, либеральные идеи способны поддерживать лишь немногочисленные группы населения, в то время как значительная часть населения испытывает явную ностальгию по социальному государству. Общественный раскол по многим уже произошед, теперь вопрос лишь в том, получит ли социальная поляризация политический и организационный смысл, либо останется лишь почвой для безрезультатного популизма. Неспособность решить эту проблему является серьезной угрозой для политической системы, так как конфликтный потенциал очень силен, однако не имеет амортизационного выхода в политическом смысле. Поэтому, не имея серьезной идеологической конкуренции, Россия продолжает испытывать сложности, которые снова и снова появляются на протяжении всего болезненного периода транзита. Страна продолжает переживать серьезный застой в экономике, в культуре, уровень социального неравенства достиг поистине разрушительных масштабов. Российский административный аппарат является крайне неповоротливым, партийная система слаба и не отвечает реальным потребностям нации, а гражданский сектор фрагментирован и не способен оказывать влияния снизу. В этих условиях именно политические лидеры и партии должны своей волей задавать новые векторы развития. Но находить баланс с помощью простого издания актов и законов достаточно сложно, потому что они не проходят фильтр общественных дискуссий и политической борьбы.

Конечно, речь не идет о том, что нужно ограничивать реформирование институциональной сферы. Необходимо развивать среди населения гражданскую культуру, создавать ценностное ядро нации и этим опять же должны заниматься партии и элиты. Причем необязательно это будет одно ядро. С одной стороны, можно рассуждать о сосуществовании консервативной, либеральной, социал-демократической идеологий, однако нельзя забывать, что мы живем в многоэтнической, мультикультурной и многоконфессиональной стране, следовательно, в каждом конкретном регионе приходится учитывать местные культурные особенности. Но, как показывает мировой опыт, многоэтничность и национальное единство вполне совместимы с демократическими ценностями при соблюдении трех важнейших условий: возможности свободного выбора человеком своей национальности, мирного обеспечения прав этнических и культурных меньшинств и частичного допущения внутренних разногласий при обсуждении этнокультурных и лингвистических вопросов, избегая при этом открытой конфронтации.

При этом необходимо соблюдать условия общественной безопасности, чтобы идеологические ядра не создали чрезмерно полярную систему, избегать реакционных идей, но при этом нужно понимать, что общественных конфликтов в любом случае не избежать. Чем быстрее этот вопрос будет осознан элитами, тем больше вероятность, что конфликты удастся институционализировать. Для стабилизации политической системы необходимо выполнение целого ряда условий: создание четкой и, главное, работающей правовой системы, которая должна разграничить сферы ответственности не только между ветвями власти, но между государством и обществом; возможность транслировать свои интересы в политическую систему через институциональных посредников, в виде партий, групп интересов и общественных объединений; свобода политической деятельности и существование политических альтернатив, прежде всего, в партийном идеологическом спектре; свобода слова и свобода собраний, что должно служить фундаментом для публичного дискурса по поводу дальнейшего развития и нахождения консенсуса, а не закручивать все дальше спираль молчания, об опасности которой еще 50 лет назад говорила Э. Ноэль-Нойман; нахождение компромисса между бизнесом и социальной сферой. Однако все эти процессы возможны лишь при условии политической конкуренции. История французского республиканизма показывает, что конкуренция может принести самый различный характер и требуется немало политического умения и предвидения, чтобы такая система работала стабильно. Но пример Франции демонстрирует и другое – без политической борьбы нет и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.
Vallerstain I. (2003). *Posle liberalizma*. Moskva.
2. Гугоров В.А. Голлизм и современная Россия: утрата или обретение традиции? // ПОЛИТЭКС. 2005. № 1.
Gutorov V.A. (2005). *Gollizm i sovremennaya Rossiya: utrata ili obretenie traditsii?* POLITEKS. N 1.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
Darendorf R. (1994). *Elementy teorii sotsial'nogo konflikta*. Sotsiologicheskie issledovaniya. N 5.
4. Зазнаев О. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2.
Zaznaev O. (2007). *Indeksnyi analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i postsovetskogo prostranstva*. Polis. N 2.
5. Зидентоп Л. Демократия в Европе. М., 2001.
Zidentop L. (2001). *Demokratiya v Evrope*. Moskva.
6. A.Knapp, W.Wright. *Government and Politics of France*. Routledge, 2006.
7. Busky D. *Democratic Socialism: A Global Survey*. Greenwood, 2000.
8. Connolly H. *Renewal in the French Trade Union Movement: A Grassroots Perspective*. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2010.
9. Hanley D. *Party, Society and Government: Republican Democracy in France*. Oxford, 2002.
10. Laguerre A. *Why the Fourth Republic is Dying* // Life. 27.09.1948.
11. Larkin M. *France Since The Popular Front: Government and People, 1936-1996*. Oxford, 1997.
12. Paxton R. *French Peasant Fascism: Henry Dorgère's Greenshirts and the Crises of French Agriculture, 1929–1939*. Oxford, 1997.
13. *Reforming Gloomy France* // The Economist. 20.04.2011.